

⁵⁷ ДДГ. №15. С. 41.

⁵⁸ Ср.: Там же. № 15. С. 41 и № 37. С. 105-106.

⁵⁹ Там же. № 15. С. 41.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ По мнению А.Л. Хорошкевич, в договоре 1399 г. имелось в виду именно это событие (автор относит его к 1395 г.) (Хорошкевич А.Л. Політичні наслідки Куликовської битви // Український історичний журнал. 1980. №4. С. 54).

⁶² ДДГ. №15. С. 41.

⁶³ Карамзин Н.М. Указ. соч. Т. 5. С. 75, 93-94, 286. Примеч. 176.

⁶⁴ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. Стб. 389.

⁶⁵ Там же. Т. 15. Вып. 1. Стб. 143-146.

Повтор данного пункта в договоре Василия с Михаилом, очевидно, связан с тем, что Тохтамыш в 1399 г. пытался вернуть себе престол в Орде с помощью Витовта и вполне мог предъявить в случае успеха претензии к Василию, враждебно настроенному в этот период к великому князю литовскому. В московско-тверском договоре 30-х гг. XV в. пункт о войне с "царем" также повторен, но в "модернизированном" виде: "А что ся есте воевали со царем" (ДДГ. № 137. С. 106) - единственное число сменено на множественное. Очевидно, имелись в виду столкновения московских князей, от лица которых заключался договор (Василия Васильевича, Дмитрия Шемяки и Дмитрия Красного), с ханом Улуг-Мухаммедом в 1437-1439 гг. В последующих московско-тверских договорах этот пункт снят.

⁶⁷ ДДГ. № 15. С. 41. Упоминание "ляхов" следует считать вставкой 1399 г.: до польско-литовской унии 1385 г. они вряд ли могли быть упомянуты в качестве потенциальных противников.

⁶⁸ См. о значении слова "вина": Словарь древнерусского языка XI-XIV вв. Т. I. М., 1988. С. 424-428.

⁶⁹ ДДГ. № 11. С. 31 (речь шла о распределении доходов с Московского княжества).

⁷⁰ Там же. № 12. С. 36.

⁷¹ Там же. С. 34.

⁷² ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 157; Т. 18. С. 134.

©1998г. А.Н.САХАРОВ*

АЛЕКСАНДР I И АРАКЧЕЕВ

Алексей Андреевич Аракчеев - исключительно масштабная и уникальная личность в российской истории по степени воздействия на определенные области общественной жизни и на жизнь общества в целом. К тому же это был человек, которому в течение всего своего царствования Александр I доверял абсолютно, и эта связь двух выдающихся людей той эпохи - государя и всесильного временщика - проливает дополнительный и яркий свет на фигуру самого императора.

В дореволюционной исторической литературе Аракчеев удостоивался безусловно отрицательных оценок, которые восходили либо к либеральным и революционным дворянским кругам первой половины XIX в., но особенно ко времени правления Александра I (именно тогда появился термин "аракчеевщина" как синоним всего косного, реакционного, отсталого, жестокого), либо к раздраженным пассажирам представителей придворной титулованной знати, которая ненавидела всесильного фаворита, кажется, едва ли не более чем его либеральные и революционные недоброжелатели. Правда, в работах вел. кн. Николая Михайловича и Н.К. Шильдера об Александре I приводится немало фактов, противоречащих устоявшейся общественной и историографической традиции, хотя сама эта традиция и не опровергается.

Советская историография еще более заострила эти безусловно негативные оценки, связав имя Аракчеева со всеми мнимыми и реальными мерзостями абсолютистского режима первой четверти XIX в. Человек, возглавивший пресловутые "военные поселения", ставшие

* Сахаров Андрей Николаевич, член-корреспондент РАН, директор Института российской истории РАН.

Статья представляет собой главу из новой книги автора "Александр I".

источником тягот, страданий и унижений сотен тысяч людей, уже за одно это нес на себе печать проклятия. В этом дружном осуждающем хоре тонули отдельные замечания о полезных делах Аракчеева, о его всепроникающей государственной деятельности, наполненной идеями чести и преданности престолу, борьбы с коррупцией и непорядками, ленью, расхлябанностью, сибаритством, со всем тем, что прямо или косвенно наносило ущерб интересам России внутри страны и за рубежом. Этого как будто бы и не существовало для советской исторической науки. Первые непредвзятые оценки деятельности Аракчеева, увы, пришли из-за рубежа. Именно там появились объективные, спокойные суждения, далекие от либеральной и революционной истерики, от все изничтожающего яда титулованных снобов, от советского идеологизированного подхода к оценке жизни и деятельности временщика, которые, однако, долгие десятилетия не были даже известны советским исследователям¹. Только недавно они стали достоянием и российской науки, нашли отражение, правда, пока еще недостаточно адекватное, в некоторых современных работах российских авторов, в которых, увы, все же традиционными остаются противопоставления Аракчеева и Сперанского, "гениев добра и зла", и суждение о том, что Александр I, отказавшись от реформ, убрал Сперанского и возвысил Аракчеева².

Итак, есть ли сегодня возможность, опираясь на имеющийся обильный фактический материал, на новые подходы, переломить устоявшиеся стереотипы и сказать, наконец, правду об этом сподвижнике Александра I и тем самым приблизиться к анализу деятельности самого русского монарха, такому еще далекому от исторической беспристрастности.

Чтобы понять смысл исторического феномена Аракчеева, надо сказать о его происхождении, детских и юношеских годах. Это была безусловно драма способной и хорошо организованной личности.

Алексей Андреевич Аракчеев происходил из мелкопоместных дворян Вышневолоцкого уезда, из "сельских дворян", как их порой называли в то время. Бедность, молитва, строгий порядок, неукоснительная необходимость постоянного и кропотливого труда, начала образования, полученные у сельского дьячка, органическая близость к жизни сельского населения - с таким багажом юный Аракчеев отправился с отцом в Петербург, стремясь поступить в одно из лучших тогда учебных заведений - Артиллерийский и Инженерный кадетский корпус, который возглавлял сподвижник А.В. Суворова генерал П.И. Мелиссино, выдающийся артиллерист и человек просвещенного ума. Уже в Петербурге отец и сын выяснили, что каждый поступающий должен внести вступительный взнос в 200 руб. ассигнациями. Такими деньгами Аракчеевы не располагали. Начались поиски необходимой суммы, долги, продажа личных вещей, скитания по дешевым номерам, жизнь впроголодь, и, наконец, нищенство, долгие недели ожидания результатов прошения о приеме. Это было в июле 1783 г. На всю жизнь Аракчеев запомнил эти несколько месяцев нужды и унижений и понял, что лишь неустанным трудом, исполнительностью, рвением, мобилизацией всех своих способностей он может отстоять себя в жизни и чего-то добиться. Характеры слабые в такой обстановке ломаются, характеры сильные лишь закаляются. Аракчеев же обладал характером поистине железным. Именно в кадетском корпусе он заложил фундамент своего будущего. Дисциплинированный, усердный в учебе, собранный - таким он зарекомендовал себя уже в младших классах корпуса. Особенно учителя отмечали его успехи в военно-математических науках. В 15 лет он сержант, надзирает за отстающими и нерадивыми и проявляет себя как человек исключительно строгий, "нестерпимого зверства", но неизменно добивающийся результата. В эти годы Аракчеев четко усвоил смысл жестокой системы второй половины XVIII в. в России, при которой слабый погибал, а сильный выживал и продвигался вперед, особенно если это относилось к армии с ее рекрутчиной, жестокими порядками, неистовой муштрой и парадоманией, палочной дисциплиной, которых не могли переломить ни разумный прагматизм Румянцева, ни эскапады Суворова, ни философское спокойствие Кутузова, ни добрая пылкость Багратиона. Бездушная прусская армейская система, утвердившаяся в центральной и восточной Европе особенно после военных успехов прусского короля-воителя Фридриха II, стала стержнем армейской жизни и в России. В полной же мере она раскрылась в годы правления Павла I - адепта прусских военных порядков и фанатика регламентации и заорганизованности всей жизни в стране. И Аракчеев с его волей, недюжинным умом, высоким профессионализмом, огромными организаторскими способностями, соединенными со страстью к слепому выполнению приказов вышестоящего начальства, оказался блестящим феноменом этой системы. Не он ее выдумал, но его приниженное прошлое, от которого он стремился уйти, неукротимое честолюбие и понимание того, что только неукоснительное следование принципам этой системы способно двигать его вверх по служебной лестнице, обеспечить ему благоприятное плавание по карьерным водам. И еще одно качество выделяло его среди сверстников - абсолютная преданность своему непосредственному начальнику и покровителю

на всех этапах служебной лестницы. В условиях абсолютистского режима, при котором безапелляционная власть делегировалась по всей стране сверху вниз, такой человек был поистине неординарным. В иной, конституционной, демократической системе личность с подобными рабскими и одновременно авторитарными наклонностями возможно померкла бы и стухнулась; в России же конца XVIII - начала XIX в. она, напротив, расцвела пышным цветом. Его заметил и выделил начальник корпуса, оставив блестящего кадета у себя в качестве преподавателя сначала арифметики и геометрии, потом артиллерийского дела. Затем он же рекомендовал уже поручика Аракчеева в качестве педагога графу Н.И. Салтыкову, президенту военной коллегии и одновременно куратору воспитания великих князей Александра и Константина. Так неожиданно протянулась первая, хотя и тонкая, нить между Аракчеевым и царским двором. Салтыков остался доволен учителем сына и рекомендовал его позднее на должность адъютанта к тому же генералу Мелиссино, а тот в свою очередь назвал его имя цесаревичу Павлу Петровичу, когда тот искал для своего гатчинского войска знающего офицера-артиллериста. Очень быстро Аракчеев занял видное место в системе гатчинской армии. Павел отметил его блестящее знание артиллерийского дела, четкость и исполнительность, феноменальное усердие. Здесь же он подружился с юным Александром, который, повзрослев, все более увлекся службой в гатчинском войске. Вероятно, прав был один из биографов А.А. Аракчеева П.Н. Богданович, когда писал: "Видно неопровержимо, что в личности и характере Аракчеева было что-то подкупающее и привлекающее в такой степени, что к нему с одинаковой симпатией и доверием относились и люди пожилые, прекрасно знавшие жизнь и людей, как Мелиссино и Салтыков, так и неопытный юноша, как великий князь Александр Павлович"³. Но, добавим, Аракчеев умел нравиться в первую очередь вышестоящим лицам и нравиться истово, иступленно. Это был талант и талант немалый. Уже современный нам исследователь отмечал: "Без сильных покровителей, без знатных связей бедный провинциальный офицер сумел занять видное место в гатчинской армии Павла и при его "малом дворе"... Он ни с кем не сближался, не искал ни дружбы, ни симпатии; все его мысли и желания были направлены лишь на то, чтобы угодить Павлу Петровичу, а угодить можно было лишь строгим и ревностным исполнением службы, что Аракчееву блестяще удавалось"⁴. По отзывам людей, знавших близко Аракчеева, он и в Гатчине проявил большой организаторский талант, страсть к порядку, строгость и требовательность к себе и к подчиненным, которая доходила "до тиранства". Но результат бывал всегда налицо.

Юный Александр в те дни старался преуспеть в новой для него военной ипостаси, стремился получить по службе поощрение требовательного и жесткого отца, переживал за неудачи и отцовские реприманды. 23-летний Аракчеев был для него не только превосходным учителем во всем, что касалось армейских порядков, но и определенным амортизатором в отношениях с Павлом. Он помогал 15-летнему великому князю, страховал его, а порой и спасал от гнева отца. Именно с тех лет Александр привык видеть в Аракчееве надежную защиту и опору. Такие отношения сохранились и после того, как Павел вззошел на престол. Прибывшего из Гатчины в Зимний Дворец Аракчеева Павел встретил словами: "Смотри, Алексей Андреевич, служи мне верно, как и прежде", а затем соединил руки Александра и Аракчеева и произнес: "Будьте друзьями и помогайте мне"⁵.

С этого дня карьера Аракчеева стремительно взмывает вверх. В ноябре 1796 г. его производят в генерал-майоры и назначают командиром батальона привилегированного гвардейского Преображенского полка. Одновременно Аракчеева утверждают петербургским комендантом, а в начале 1797 г. он получает должность начальника свиты его императорского величества и звание генерал-квартирмейстера, т.е. фактически становится начальником Главного штаба империи. Его награждают баронским титулом и орденом Александра Невского.

Все эти милости пролились на Аракчеева не случайно. В начавшемся при Павле I переустройстве русской жизни, и в первую очередь армии, умный, требовательный генерал играл ведущую роль.

К концу царствования Екатерины II, по свидетельству современников, верхушка русской армии, в особенности гвардейское офицерство, совершенно разложилась. Манкирование службой, светские утехы, сепаратизм и своеволие командующих соединениями разъедали армейский организм. "Образ жизни гвардейских офицеров совершенно изменился, - писал один из очевидцев. - При императрице мы думали только о том, чтобы ездить в театры, в общество, ходили во фраке"⁶. Обычной стала картина, когда офицер на смену караула ехал позади взвода в возке, закутанный в шубу и муфту⁷. Павел, круто изменив жизнь чиновничества государственных учреждений, взялся и за армию. Тот же источник с грустью констатирует: "А теперь с утра до вечера на полковом дворе, и учили нас всех как рекрутов"⁸. Аракчеев стал

главной ударной силой павловских преобразований в армии. Он жесточайшими мерами восстановил порядок и дисциплину в разложившихся гвардейских частях, подтянул офицерский корпус, добрался и до солдатских казарм, требуя наведения в них порядка. Штабных офицеров он засадил за чертежные доски и заставлял их тренироваться в составлении планов и карт. Как комендант Петербурга он стремился утвердить порядок и чистоту в городе, как генерал-квартирмейстер и инспектор армии проверил состояние крепостей и их вооружений и во всех сферах деятельности добился перелома к лучшему: город преображался, казармы сияли чистотой, питание и обмундирование солдат улучшились, состояние и вооружение крепостей значительно усовершенствовалось, самоуправство офицеров вплоть до беспричинных телесных наказаний солдат было пресечено. И все это с жестоким давлением, мрачными придирками, отборной руганью. Офицеры стонали, жаловались. В армейской верхушке росло недовольство крутыми павловскими мерами. Думается, что героическому в военное время русскому офицерству при мирной жизни невыносимы были эти прусские нравы, в основе которых, однако, лежали четкая организация, порядок, дисциплина, высокая боевая готовность. Именно к этому стремился Павел, а Аракчеев сурово внедрял эти принципы в армии. Регламентация всей жизни, в том числе и армейской, неведомо оказалась русскому человеку, и это, как мы уже говорили, было одной из причин недовольства реформами Павла I, заговора против него и последующей гибели. Аракчеев светил лишь отраженным светом, но уже на этом этапе своей жизни снискал прочную ненависть тех, кого он заставлял делать положенное по службе. При этом он был требователен и взыскателен к себе и абсолютно честен и бескорыстен, чем удивлял российского чиновника и армейского командира и вызывал еще большее негодование и осуждение. По-видимому, во многом усилившиеся при Аракчеве тяготы по службе и стали причиной многочисленных мемуарных стонов российского офицерства той поры.

Вызвав чем-то минутную ярость Павла и отправленный в отставку, Аракчеев вскоре был приглашен обратно (не без усилий Александра Павловича), осыпан наградами, получил титул графа и был назначен инспектором всей артиллерии. Именно при Павле он начал реформы российской артиллерии, имея к тому же в виду, что на Западе восходила блестящая звезда молодого артиллерийского офицера, ставшего уже лидером Франции Наполеона Бонапарта, чье артиллерийское искусство и новаторство не раз оказывалось решающим обстоятельством в победе французских войск над устаревшими армиями остальной Европы.

После восшествия на престол Павел поручил своему старшему сыну-наследнику ряд ответственных постов: император считал, что Александр должен постепенно и основательно приуготовлять себя к высокой государственной миссии в будущем. Александр был назначен военным губернатором Петербурга, шефом лейб-гвардии Семеновского полка, инспектором гвардейской дивизии, а позднее и председателем Военной коллегии - и это притом, что ему не было еще и двадцати лет. Исполнять все эти сложные обязанности, не имея опыта и знаний, было тяжело и утомительно; отец требовал полной отдачи по службе, сам же Александр таким фанатичным рвением не отличался, и здесь Аракчеев в качестве его советника, помощника, а по столичным делам и как непосредственно подчиненное лицо, был крайне необходим. Александр почти ежедневно встречался с Аракчевым, тот готовил для него каждодневный рапорт о состоянии дел в столице, который Александр утром представлял отцу. Одновременно он муштровал гвардейские части, вверенные Александру, готовил их к платц-парадам, до которых так охоч был император. В эти годы, как и прежде в Гатчине, Аракчеев нередко заслонял Александра от Павла I, а наследник порой инстинктивно, а чаще с холодным расчетом пользовался услугами Аракчеева, укрываясь за его могучей спиной⁹.

Но уже в это время в отношениях и с Павлом I, и с Александром Павловичем все более выявляется характерная черта молодого генерала - его необычайное честолюбие, стремление получить за свою столь необходимую службу нечто большее, чем чины, звания, ордена, деньги, земли, к которым он был весьма равнодушен, - признание царственных особ. Именно это выделяло его из сонма придворных, титулованных особ. Он, мелкопоместный дворянин, добившийся всего собственным трудом, никогда не мог сравниться с ними по части породы, богатств, но благодаря близости к императору, к цесаревичу, благодаря их поддержке и признанию он становился сразу же на десять голов выше их всех. Для него это была самая большая плата, и это прекрасно понимали Павел, а позднее и Александр.

За полтора года до убийства Павла I Аракчеев попадает в опалу за якобы сокрытие неких непорядков в Арсенале. Павел вновь отставляет его со всех постов и отправляет в имение Грузино (подаренное ему императором прежде), где Аракчеев остается вплоть до 1803 г. Существует мнение, что опала Аракчеева в 1799 г. была организована участниками заговора против императора, которые не имели бы шансов на успех в случае, если бы он оставался в столице. Любопытно, что Павел вспомнил об Аракчеве в самый канун переворота,

почувствовав близкую измену, и вызвал его в столицу, но военный губернатор Петербурга, один из вдохновителей заговора граф Пален приказал задержать Аракчеева на заставах, и тот не прибыл в назначенный срок.

Через два года уже новый император Александр I вызывает его из Грузина коротким письмом: "Алексей Андреевич! Имея нужду видеться с вами, прошу вас приехать в Петербург"¹⁰.

Аракчеев в своем имении не терял времени, он превратил его в блестящее хозяйство. И здесь он проявил высокую организованность, широкий кругозор, прагматизм и вновь отменную требовательность и жестокость. Строгая документация, разработка полезных инструкций, жесткая регламентация жизни крестьян - с этого он начал свое хозяйствование, которому придавал предпринимательский характер. Хлебопашество, но прежде всего животноводство, продажа леса, сена с пойменных лугов - таковы главные статьи дохода как самого хозяина, так и его крестьян, в основном находившихся на оброке. В имении применялся и наемный труд. Для развития хозяйства Аракчеев учредил Заемный банк, которым пользовались прежде всего крестьяне его владений. Отсюда они получали ссуды на постройку домов, покупку скота, помощь в случае стихийных бедствий, на предпринимательские инициативы. Аракчеев весьма гордился тем, что все государственные повинности его крестьяне уплачивали за счет процентов с капитала, который он, помещик, разместил в Государственном банке. А вот программа самого Аракчеева в отношении своих крестьян: "В понятии моем помещик или владелец обязан, по праву человечества, наблюдать главные правила: 1) не мыслить о своем обогащении, а более заботиться о благосостоянии крестьян, вверенных Богом и правительством его попечению; 2) доходы, с них получаемые и составляемые всегда ценою пота и крови их, обращать главнейше на улучшение их положения"¹¹.

Часть средств, полученных за счет казенных подрядов, выполняемых его крестьянами, Аракчеев направлял в Заемный банк, откуда шла помощь крестьянам. Но при всем этом аракчеевские предписания и правила тяжелым гнетом давили на крестьян, не привыкших к интенсивной и инициативной работе. Для них это было подлинное "мучительство и тиранство", которое не компенсировалось никакими благами. Чем выше рос материальный достаток крестьян, тем больше ненавидели они своего неугомонного, порядливого и строгого барина. А сам Аракчеев был убежден: заставить крестьян работать добросовестно ради самих себя можно лишь строгостью и, в случае сопротивления, наказаниями. Такова была грустная цивилизационная проза жизни рачительного хозяина и его подданных в начале XIX в. И все же, думается, эта близость Аракчеева к нуждам деревни, его знание сельского хозяйства подвигли его к концу второго десятилетия века подать императору один из самых прогрессивных для того времени проектов отмены крепостного состояния крестьян в России.

Через несколько дней после получения письма Александра Аракчеев уже был в Петербурге. Так начинается новый, уже непрерываемый виток его карьеры. Он вновь призывается на службу в прежней должности инспектора всей артиллерии. К этому времени Александр уже упрочил свое положение на троне, сумел устранить заговорщиков - убийц отца, пытавшихся связать его узами аристократической конституции и сделать игрушкой в своих руках. Он всерьез думал о реформах, призвал к высоким должностям М.М. Сперанского, но одновременно его заботило состояние русской армии в преддверии противоборства с наполеоновской Францией, и здесь Аракчеев был, конечно, незаменим.

Общепризнанно, что умный, изворотливый и дальновидный властитель Александр I, опираясь в своей деятельности, с одной стороны, на либерала Сперанского, а с другой - на реакционера Аракчеева, умело балансировал в тогдашнем обществе, получая поддержку широких слоев и в первую очередь верхушки дворянства, придворных и армейских кругов, которые не были едины в подходе к решению вопросов внутренней и внешней политики России. Эта точка зрения нашла отражение в одной из последних работ, в которой автор - В.А. Федоров, как бы подытоживая все, что было написано на эту тему в советские годы, пишет: "Александр искусно лавировал между сторонниками реформ и приверженцами жесткой линии. Таким образом, в одно и то же время были приближены к императору и возвышены две совершенно различные, но крайне необходимые в данный момент императору личности - Аракчеев и Сперанский. На первого было возложено военное дело, на второго - гражданское управление и проведение реформ".

Либеральный курс Александра I ассоциируется здесь с именем Сперанского, реакционный, к которому император обратился в послевоенный период, - с именем Аракчеева, бывшего реакционным мечом Александра¹². Но истоки этой точки зрения восходят еще к дореволюционным оценкам. Они слышатся в работах Н.К. Шильдера; биограф Александра I вел. кн. Николай Михайлович даже отмечал, что если Сперанский был лицом, которым

увлекался Александр и которое на него воздействовало, то Аракчеев был необходимым тормозом против всякого рода увлечений. Думається, что подобные оценки являются отражением тех десятилетиями складывающихся до и после революции идеологических стереотипов, которые имеют мало общего с реальной исторической действительностью. Во всяком случае, первые годы деятельности Аракчеева на военном поприще отнюдь не подтверждают подобного вывода.

Александр в армии нужен был человек, который продолжил бы суровые начинания Павла I и не только в преддверии схватки с Наполеоном, о котором Александр отзывался все более резко, но и в силу тяготения самого Александра к "фрунтовым" прелестям. Конечно, Александр противостоял отцу во всем, что касалось давления лично на него и его близких - жену, друзей, - но прав был, видимо, английский историк М. Дженкинс, когда заметил такую черту Александра, которая с годами все более доминировала в его характере, - отцовскую властность, скрываемую под внешней мягкостью, неприятие критики, болезненное отношение к ущемлению собственной власти, чем так отличался и Павел I, а также чисто отцовское увлечение внешним порядком, четкостью, парадоманией. Сущностные формы абсолютизма, сочетаемые с его внешними показными формами, пронизывали натуру Александра, воспитанную и на непререкаемом авторитете бабки Екатерины II, и на гигантских экзерсисах Павла Петровича. И никакие гуманистические влияния Лагарпа и идей французских просветителей, ни личная врожденная деликатность, скромность и неприязнительность, ни позднейшие религиозные влияния не смогли переломить в нем стержень, на котором держалось все его существо, и здесь Аракчеев был также незаменим. Порядок, воля, дисциплина, слепое повиновение - именно эти качества привлекали Александра, истинного сына своего отца, к Аракчееву. "В начале царствования, - пишет М. Дженкинс, - казалось, что Александр будет настроен против всего образа жизни Павла и его методов управления, но он бессознательно вбирал в себя многие из черт характера своего отца, и это становилось все более и более очевидным по мере того, как продолжалось его правление"¹³. "Ключ к карьере Аракчеева лежит в его отношениях с Александром I"¹⁴, - отмечает М. Дженкинс.

Поэтому, когда мы говорим о длительной и прочной связи Александра и Аракчеева, нет смысла говорить об Аракчееве, как антипode либеральных устремлений в обществе, как лидере и оплоте реакционных сил. Правильнее и честнее было бы отметить различные и противоречивые стороны в характере самого Александра и то, что Аракчеев привлекался императором именно в те области общественной жизни, которые утверждали абсолютистскую ипостась натуры и деятельности Александра. Остальное доделывал характер, преданность царю, бульдожья хватка "железного графа", как его называли современники. Армия, конечно, была оселком Александра и по объективным обстоятельствам русской внешней политики, и по его субъективным побуждениям. В этой области Аракчеев и проявил себя наиболее ярко, истово, временами жестоко, честно и неподкупно исполняя порученное ему дело, внося в это исполнение организаторский талант, ум, фантазию, масштабы и одновременно суровую педантичность, умение любыми средствами добиться результата, что было крайне не популярно в тогдашней ленивой, рутинной и расхлябанной России, отравленной ядом крепостного права и абсолютизма, разлагавшего и низшие, и высшие слои общества. В этой своей деятельности Аракчеев не отражал абсолютно никакой политической тенденции и ориентации, кроме воли и желания императора. Кроме того, необходимо понимать и еще одну характерную черту Александра I, претворенную в деятельности Аракчеева: император стремился не брать на себя меры непопулярные, могущие осложнить его отношение с двором, верхушкой армии, гвардейским офицерством. Меч возмездия, заговор, убийство витали над ним так же, как над дедом и отцом, всю жизнь и поэтому он нуждался в щите, принимавшем на себя все критические стрелы общества, все проклятия различных социальных групп и слоев и даже всеобщую ненависть. Аракчеев и был таким щитом Александра I. Но при этом он являлся сильным и решительным человеком, безапелляционно проводившим в жизнь планы Александра, некоторые из которых были крайне не популярны, хотя, безусловно, полезны для России, и чем выше он поднимался, тем активнее, упорнее, беспощаднее проводил линию своего сюзерена. Александр - обворожительный, интеллигентный, блестяще образованный - мог совершенно свободно рисовать на российском государственном полотне с милой улыбкой и врожденной деликатностью и вежливостью любые политические узоры, потому что у него был Аракчеев. Александр говорил: "Я знаю, что Аракчеев груб, невежествен, необразован. Однако он имеет большую практическую сметку, мужество и инициативу и наделен огромной работоспособностью. Он также глубоко вникает в детали. Он соединяет в себе редкую неподкупность с презрением к почестям и материальным благам. И он обладает несгибаемой волей и фанатичной страстью командовать людьми. Я не мог бы сделать что-либо без него"¹⁵.

Поистине Александр прекрасно понимал натуру своего помощника и использовал его с максимальной для себя пользой.

Кроме того, необходимо помнить, что Александр испытывал сильнейшие комплексы перед памятью убитого в ходе переворота 1801 г. отца. К Аракчееву император тянулся не только как к человеку, с которым он дружно и полезно работал в годы правления Павла I, но и как к личности безупречной в отношении к покойному императору и не запятнанной какой-либо закулисной интригой. С ним, как и со старым другом А.Н. Голицыным, верным П.М. Волконским, он чувствовал себя легко и свободно. Единственное, на что претендовал Аракчеев, это на признание своего особого положения при императоре; это была, повторимся, плата за его преданность, верность и рвение. Для Аракчеева она стоила много, если не все. Для Александра при его вежливости и обходительности, при определенной тактике, рассчитанной лично на Аракчеева, эта плата не стоила ничего. И все недоразумения между Александром и Аракчеевым возникали не на почве расхождений во взглядах или в политике, а исключительно из-за обид фаворита на то, что он недостаточно оценен, либо обойден личным вниманием императора.

Первые же действия призванного вновь на службу генерала показали, что Александр в нем не ошибся. Пять лет (1803-1808 гг.) провел Аракчеев на посту инспектора артиллерии, и за эти годы он практически внес решающий вклад в переустройство русского артиллерийского дела, направив свои усилия на создание новой современной артиллерии, реорганизацию ее структуры, подготовку артиллерийских кадров. Он выделил артиллерию в самостоятельный вид войск, в основу ее структуры положил артиллерийскую батарею, входившую в состав роты. Роты сводились в артиллерийские бригады. Аракчеев разработал прогрессивную для того времени систему комплектования и обучения артиллерийских кадров, особое внимание уделил подготовке грамотных "нижних чинов" и добился, чтобы туда направляли воспитанников военно-сиротских училищ. Предложил он и проведение специальных экзаменов по основным военным и математическим дисциплинам при производстве в чины артиллерийских офицеров. Разработал также порядок проведения полевых артиллерийских учений¹⁶. Эти меры были одобрены Александром. Многие сделал новый инспектор артиллерии для материально-технического обеспечения артиллерии: настоял на введении новых типов колес для гарнизонной и полевой артиллерии, мобильных зарядных ящиков, усовершенствовании изготовления и испытания орудий, создании их новых типов. Вот что пишет по этому поводу В.А. Федоров: "В результате этих мер в сравнительно короткий срок была полностью реорганизована вся артиллерия, что существенно подняло ее боеспособность. На вооружение поступили новые образцы крепостной, осадной и полевой артиллерии; введен, например, новый калибр полевых орудий, что увеличило их подвижность и маневренность. Разработана новая тактика боевых действий артиллерии, улучшено ее взаимодействие с пехотой и кавалерией"¹⁷. Добавим, что Аракчеев вскоре внедрил в русскую армию идею так называемой конной артиллерии - легких маневренных артиллерийских соединений, которые блестяще зарекомендовали себя в годы войны. Во всей этой работе Аракчеев, особенно после битвы под Аус-терлицем, в которой Наполеон наголову разбил русско-австрийскую армию, имел в виду, что России противостоит не только военный гений, но гигант артиллерийского дела, и бороться с ним можно лишь в том случае, если удастся превзойти его, или по крайней мере сравняться именно в этой излюбленной им области военного дела. Уже в битве под Прейсиш-Эйлау в 1807 г. обновленная русская артиллерия отняла у Наполеона, казалось бы, уже безоговорочную победу: 23-летний генерал Кутайсов, ученик Аракчеева, во главе соединения новой конной артиллерии, включающего 36 орудий, совершил стремительный рейд против французов там, где решался исход боя, и расстрелял картечью французскую пехоту, выходящую наперез отступающей русской армии. После этой кампании Александр направил Аракчееву письмо, в котором говорилось: "Господин Генерал-Лейтенант Граф Аракчеев! Доведение до превосходного состояния артиллерии и успешное действие оной в продолжении сей войны, также исправное снабжение оной всем нужным, обязывает меня сделать достойное воздаяние заслугам вашим; по сему приказом моим, вчерашнего дня, произведены вы в генералы от артиллерии. Примите сие знаком моей признательности и особенного моего благоволения, с коим пребываю вам благосклонный Александр"¹⁸.

В 1808 г. А.А. Аракчеев назначается военным министром и инспектором всей пехоты и артиллерии. Теперь Александр полностью отдает армию на его попечение.

К этому времени война 1805-1807 гг. обнажила все язвы старой, еще екатерининских времен, русской армии, искоренение которых было заблокировано после убийства Павла, и изживание которых лишь началось с реорганизации артиллерии. В армии царили хищение, казнокрадство, коррупция, злоупотребление командиров соединений, издевательства над сол-

датами. Аракчеев уже в роли военного министра бескомпромиссно, с присущими ему решительными мерами, повел борьбу со злоупотреблениями и разложением армейского начальства и офицерства. Начались судебные процессы над казнокрадами, в армии, восстанавливалась строгая дисциплина, причем в одинаковой степени и для офицеров, и для солдат. Первых за всякого рода нарушения безжалостно разжаловали, сажали под арест, увольняли со службы, солдат же воспитывали при помощи розог, палок, шпицрутенов, совершенно по-русски. Это были типично аракчеевские методы наведения порядка.

Провел Аракчеев ряд преобразований в области комплектования, управления и внутреннего устройства армии. Он преобразовал ее хозяйственную часть, улучшил обмундирование, снабжение, усовершенствовал обучение резервистов. Поразительны его наставления по части обучения рекрутов, которые он выполнял неукоснительно: "а) чтобы не изнурять людей и отнюдь за ученье не наказывать, ибо ошибки в ученьях зависят больше от понятия, которое не у всякого человека равно, следовательно, чтобы довести рекрута до желаемого совершенства, надобно употреблять время и старания, дабы не побоями, а благоразумным истолкованием и ласковостью дойти до того; б) напротив, ленивых рекрутов в штрафе заставляя чаще учиться; в) отличных рекрутов в поведении и ученье иметь всегда на замечании и впредь пред другими давать им преимущества..."¹⁹ Что можно возразить против этого разумного подхода. А что касается характера "штрафов", так их придумал не Аракчеев... рекрутов начали пороть еще при Петре, продолжали бить в течение всего XVIII столетия, особенно ужесточились наказания при Павле. Так продолжалось вплоть до великих реформ 60-х гг. Аракчеев, как истовый исполнитель указов императора и своих собственных, лишь скрупулезно следовал общим правилам. И эта дотошность и скрупулезность в рамках системы выглядела особенно устрашающе.

Он следил, чтобы армия во время походов и военных действий не причиняла урона мирным жителям, жестоко преследовал мародерство, старался, чтобы в каждом полку была библиотека для офицерского состава.

Блестяще показал себя А.А. Аракчеев во время русско-шведской войны, в результате которой Финляндия - бывшая шведская провинция - отошла к России. Именно он сумел реализовать план Александра I - осуществить атаку шведской территории с выходом на Стокгольм в зимние месяцы 1808/1809 г. по льду Ботнического залива. Ни нерешительный командующий армией граф Буксгевден, ни сменивший его генерал Кнорринг не проявили рвения в реализации этого рискованного, но смелого плана. Сомневался и Барклай-де-Толли, командовавший одним из стратегических направлений. Заколебался и сам Александр под влиянием осторожных генералов. И лишь резкое вмешательство Аракчеева переломило ситуацию. Прибыв в войска в феврале 1809 г., военный министр сумел убедить Кнорринга и Барклая-де-Толли в необходимости скорейшего наступления. Его поддержал Багратион. А главное, Аракчеев в короткое время сумел обеспечить войска всем необходимым: провизией, боеприпасами, резервами. В начале марта части Барклая-де-Толли при 15-градусном морозе прошли 100 км по льду залива и ударили на прибрежный город Умео; колонна Багратиона по льду же ударила на Аландские острова и захватила их, а генерал Кульнев с кавалерией двинулся на Стокгольм, пройдя в течение восьми часов торосистые льды Аландского пролива и появившись в пригородах шведской столицы. Части графа Шувалова захватили Торнео. Вскоре Швеция запросила мира, а Аракчеев, не помяная про нерешительность и возражения со стороны Барклая-де-Толли, писал ему: "На сей раз я желал бы быть не министром, а на вашем месте, ибо министров много, а переход Провидение предоставляет одному Барклаю-де-Толли"²⁰. Так написать мог человек лишь с большим душевным диапазоном и незаурядным государственным тактом. С этих дней, видимо, завязываются дружеские отношения между генералом Багратионом и Аракчеевым. Позднее именно ему писал генерал в период отступления русской армии перед превосходящими силами Наполеона летом 1812г., горько сетуя на выжидательную тактику Барклая-де-Толли.

Характерно и то, что Аракчеев отклонил награждение высшим орденом империи - Андрея Первозванного, которым его отметил Александр I по результатам военной кампании 1808/1809 гг., мотивируя это тем, что он не принимал непосредственного участия в военных действиях, а потому такой высокой награды не заслуживает. Однако Аракчеев был вне себя, когда на исходе 1809 г. с ним не посоветовались при подготовке проекта учреждения Государственного Совета в рамках реформ Сперанского. И дело вовсе не в том, что он был против переустройства государственной системы России, как это иногда утверждалось (хотя свидетельств этому нет), а в личной обиде на то, что его обошли вниманием в этом важном вопросе. В канун Рождества он отправил императору прошение об отставке с должности министра, чем вызвал раздражение Александра. В конце концов, царь удовлетворил просьбу

обидчивого графа, но предложил ему выбрать себе преемника, и Аракчеев указал на Баркляя-де-Толли.

Размолвка императора и Аракчеева была кратковременной, и вскоре генерал получает формально еще более высокую должность - начальника Департамента военных дел во вновь созданном Государственном Совете. Теперь в его ведении была вся армия, все военные дела империи, ему же подчинялся по должности и новый военный министр.

Наступал 1810 год, Россия после Тильзита на всех парах шла к противоборству с Францией, с Наполеоном, и именно Аракчеев, по мнению и выбору Александра I, был способен лучше, чем кто-либо иной, подготовить русскую армию к этому противоборству.

Еще в 1809 г. Аракчеев начал создавать дивизии новой формации. Они состояли из трех бригад; третья бригада включала в себя только стрелковые полки. Сами полки были укомплектованы тремя батальонами. Таким образом, шестиполковая дивизия имела 12 батальонов, это делало ее более подвижной, маневренной, удобоуправляемой и боеспособной. Они были сведены в двухдивизионные корпуса. К началу Отечественной войны 1812 г. в русской армии имелось 11 армейских и 5 кавалерийских корпусов: во внекорпусной организации оставались 14 пехотных дивизий и гвардейская кавалерия. Организация русской армии той поры стала превосходить наполеоновскую с ее огромными многодивизионными корпусами и громоздкими дивизиями, насчитывающими по 16-17 батальонов. Специалист в области военного дела писал по этому поводу: "Аракчеев брал французскую идею корпуса и дивизий, но осуществлял ее в рамках другой системы и техники, создавая определенные и законченные организмы тактического и стратегического характера; и аракеевские двухдивизионные корпуса просуществовали более ста лет не только у нас - в России, но и во всех больших армиях"²¹.

Продолжалось и совершенствование русской артиллерии - любимого детища "железного графа". Накануне войны вся полевая артиллерия была реформирована в артиллерийские бригады, появилась, как уже отмечалось, конная артиллерия. Каждая бригада состояла из двух батарейных рот, двух легких, одной конной артиллерийской и одной понтонной рот. Всего в бригаде числилось 64 орудия. В 1811 г. Аракчеев создал резервные и запасные артиллерийские бригады. Для снабжения армии боеприпасами в военное время было учреждено 58 артиллерийских парков, дислоцированных в три линии (подвижные парки, запасные и основные); появились в западных приграничных губерниях продовольственные армейские магазины для снабжения воинских частей.

Несомненно, что военные реформы Аракчеева сыграли огромную роль в противостоянии с наполеоновской военной машиной. В битве при Бородино русская армия, уступая армии "двунадесяти языков" по численности, превосходила ее в части артиллерийской: 640 орудий в русской армии против 587 орудий французов, причем русская артиллерия оказалась более маневренной и лучшего качества, чем французская.

За Аракчеевым было снабжение армии боеприпасами, резервами, конным составом во время Отечественной войны и похода в Европу. С этим он также справился блестяще. Наконец, надо упомянуть о том, что именно Аракчеев уговорил Александра I, помня о печальном уроке Аустерлица, покинуть армию и доверить ее командующему. Решающим было его слово и при назначении Кутузова вместо Баркляя-де-Толли в августе 1812 г. 7 августа Багратион написал ему отчаянное письмо, где есть и такие слова: "Я лучше пойду солдатом в суме воевать, нежели быть главнокомандующим и с Барклаем. Вот я вашему сиятельству всю правду написал, яко старому министру, а ныне дежурному генералу и всегдашнему доброму приятелю. Простите. Всепокорный ваш слуга князь Багратион. На марше - село Михайловка"²².

В тот же день письмо было у Аракчеева, а на следующий день совещание в составе Председателя Государственного Совета генерал-фельдмаршала Салтыкова, Аракчеева, бывшего военного министра, а нынешнего Председателя Комитета министров Вязьмитинова, Лопухина и Кочубея - доверенных людей Александра I, предложило царю назначить главнокомандующим М.И. Кутузова.

В течение всей войны Аракчеев фактически был главной фигурой, осуществляющей общее руководство всеми военно-политико-организационными вопросами. Он постоянно был рядом с Александром и фактически стал единственным докладчиком по всем наиболее важным вопросам. Как он сам отмечал в своих записках, с середины июня 1812г. император просил его взять на себя все военные дела "и с одного числа вся французская война шла через мои руки, все тайные донесения и собственноручные повеления государя императора"²³. Царь доверял ему безгранично, и кажется, что Аракчеев вполне оправдал это доверие.

Заметим, что во всей деятельности Аракчеева в 1803-1814 гг. трудно уловить какие-либо черты, которые характеризовали бы его как реакционера, ретрограда и т.п. Напротив, его

военные реформы были проникнуты духом современности, устремлены в будущее. Практически он выступал в той же ипостаси, что и Сперанский, - реформатора, но не государственного устройства России, а ее вооруженных сил, что было чрезвычайно важно в тогдашних международных условиях, но особенно - в преддверии надвигающейся решающей борьбы с Наполеоном.

Однако, если реформы Сперанского политически задевали дворянскую консервативную верхушку, а затем поставили под вопрос и существование традиционного абсолютизма в России (что ему не могли простить действительные реакционеры и сам Александр, почувствовавший в подходах реформатора угрозу собственным прерогативам), то военные реформы Аракчеева, затрагивая не политически, а персонально многих высокопоставленных особ, лишь укрепляли режим сам по себе, упрочивали власть Александра I внутри страны и на международной арене: мощная, сильная, современная армия была в основе укрепления российского абсолютизма. В тогдашних условиях Аракчеев проводил свои реформы теми методами, которыми располагало общество. Но он привносил в эти методы присущие ему требовательность, жесткость. Надо полагать, что, учитывая прошлую расхлябанность армии, характер русского генералитета и офицерства, среди которого к тому же значительную роль играли иностранные военные - люди зачастую безразличные к интересам России, и принимая во внимание важность поставленных задач в условиях надвигающейся военной угрозы, Аракчеев действительно прибегал к тем рычагам воздействия, которые одни давали результат, вызывая ненависть тех, кого он затрагивал своим суровым руководством. Все эти стрелы ненависти "железный граф" брал на себя, отводя их от императора. Но не следует думать, что он не понимал отведенной ему роли. Он признавался: "Меня никогда не любили в течение моей службы, потому что я требовал дисциплины". Действительно, дисциплина и Россия - понятия в течение веков, в том числе и на рубеже XVIII-XIX столетий, да и позднее, мало совместимые. И еще: "... честному человеку всегда трудно занимать важные места государства"²⁴.

Сохранив свое решающее влияние на судьбы страны в послевоенный период, Аракчеев по-прежнему оставался прежде всего исполнителем воли монарха и в этот период трудно найти какие-либо черты реакционности в его действиях, оценках, но несомненно одно: его независимость, неуязвимость в связи с его личными отношениями с императором, нежелание и неумение идти на чисто человеческие компромиссы, прямолинейность, доходящая до грубости, создали ему немало врагов в свете и при дворе, не говоря уже об армейской родовитой верхушке, задетой его отношением. Титулованные особы с громкими княжескими и графскими фамилиями говорили о нем: "тиран", "злодей", "змея" и т.п. Да, для них он таким и был - презирающим их родовитость и утверждающим свое право человека дела, профессионала над их снобизмом, интригами, клановой ненавистью. Необходимо иметь в виду, что Аракчеев никогда не забывал свое "сельское" происхождение, свое бедняцкое прошлое. Все это при его характере, амбициях, реальных заслугах оборачивалось серьезными комплексами по отношению к придворной родовитой верхушке. В.А. Федоров отмечает, что Аракчеев любил третировать и даже унижать придворных, особенно тех, кого считал "праздными и ленивыми"²⁵. Собственно и мимолетная крайне отрицательная оценка Л.Н. Толстым Аракчеева в романе "Война и мир", где он показывает холодный и высокомерный прием временщиком князя Андрея Болконского, говорит скорее в пользу Аракчеева: к нему явился баловень судьбы, родовитый, богатый молодой красавец, и "железный граф" тут же попытался поставить его на место, вовсе не вдаваясь в тонкие душевные переживания князя Андрея. На то, чтобы скрыть свое неприязненное отношение к Болконскому, ему не хватило ни воспитания, ни образования, ни желаний. Аракчеев эпатировал придворные круги своей прямоотой, откровенностью, он говорил то, что думал о каждом из них, к тому же в борьбе за привязанность императора он, как правило, выходил в течение долгих лет победителем, что не могло не усилить общую ненависть к нему столичного "боярства", как образно сказал П.Н. Богданович. В тех же случаях, когда кто-либо из них добивался успеха на этом поприще, он становился личным врагом временщика, тяжело переживавшего, если Александр с кем-то, кроме него, делил свою привязанность. А поскольку представители этого "боярства" были люди весьма влиятельные, с острым пером, они и положили начало той мемуарной, а позднее историографической традиции в отношении Аракчеева, хотя нет необходимости обелять действительную грубость, жестокость, нетерпимость "железного графа".

В связи с окончанием военной страды 1812-1814 гг. Александр I удостоил Аракчеева и Баркляя-де-Толли звания фельдмаршалов. Барклай принял высокое звание, Аракчеев отказался, мотивируя это тем, как и в случае с итогами русско-шведской войны, что он лично не руководил войсками и не принимал участия в боевых операциях. Остался верен он себе и после того, как на него пролилась очередная милость императора: когда, вернувшись из-за

границы, Александр отметил заслуги Аракчеева перед Отечеством и послал ему в виде дара свой портрет, обрамленный бриллиантами, для ношения на груди, тот с благодарностью принял портрет, но бриллианты отослал в императорский кабинет. Любопытно, что такие выдающиеся деятели своего времени, как Сперанский и Карамзин вовсе не относились к нему отрицательно. Аракчеев никогда не был среди врагов Сперанского. Он попросту ревновал неудачливого реформатора к Александру I, и никакие другие мотивы нельзя найти в некоторой отдаленности, существовавшей между двумя выдающимися людьми первой половины царствования. Когда же Сперанский подвергся опале, Аракчеев отнесся к нему по меньшей мере сочувственно. Он состоял с ним в переписке, ходатайствовал за Сперанского перед императором, добился его возвращения из ссылочной глуши на службу пензенским губернатором. С благодарностью Сперанский побывал проездом в Пензу у Аракчеева в его имении Грузино. Помогал ему Аракчеев и далее. Поэтому понятно, что первым, кого посетил Сперанский, вернувшись в Петербург с поста губернатора Сибири, был Аракчеев.

А.А. Аракчеев помог и Н.М. Карамзину установить прерванные контакты с императором. Да, Карамзин поехал на прием к весилному временщику, что человеку с его реноме и амбициями было нелегко, но, преступив эту грань, великий наш историк обнаружил любезный прием, откровенную беседу, заверения в полной поддержке его дела с "Историей государства российского". Примечательны слова, сказанные Аракчеевым Карамзину, который признал в Аракчееве человека с умом и "хорошими правилами": "Учителем моим был дьячок: мудрено ли, что я мало знаю? Мое дело исполнить волю государеву. Если бы я был моложе, то стал бы у вас учиться, теперь уже поздно". Для закрытого, скупого на похвалы Аракчеева, эти слова были признанием. Впоследствии он на деле доказал свое доброе отношение к Карамзину, несмотря на то, что весь тогдашний действительно реакционный хор безоговорочно осудил 9-й том "Истории" с обличениями зверств Ивана Грозного. Даже Пушкин, с именем которого связывают несколько эпиграмм на Аракчеева, с горечью писал жене в 1834 г. после смерти Аракчеева: "Аракчеев ... умер. Об этом во всей России жалею я один. Не удалось мне с ним свидеться и наговориться"²⁶.

Хочется обратить внимание на точку зрения М. Дженкинса по этом вопросу. "Термин "аракчеевщина", приложимый к последнему периоду царствования Александра I, означает реакцию и притеснения. И хотя действительно это было время большого социального напряжения, и многие влиятельные люди стремились препятствовать растущим в обществе тенденциям к переменам, Аракчеев не был таким деятелем. Так, он не имел никакого отношения к университетским проблемам, пассивно проявил себя и в деле с тайными обществами, не видя интереса Александра к этому вопросу. Он и не понуждал императора к решительным действиям против будущих декабристов. Его жесткость и даже грубость, заявление, что он "сотрет в порошок" тех, кто не исполнит его приказов, говорят лишь о его личных качествах, поддержанных временем, и изъянах собственного воспитания и образования, прусскими порядками, перенесенными на русскую почву, характерную полным отсутствием гражданских прав населения, крепостничеством, насилием одних и раболепством других".

Кроме того, необходимо помнить, что в течение десятилетий прогрессивность России того времени в исторической литературе мерилась даже не столько либеральными планами Александра I, западными конституционными увлечениями Сперанского, сколько набатными обличениями Радищева, революционным экстремизмом декабристов с их планами убийства всей императорской семьи, диктаторскими поползновениями Пестеля, выстрелом Каховского. Последствия всех этих действий, добейся декабристы успеха, в русских условиях, при общем цивилизационном отставании страны, темноте и обозленности народа, были трудно предсказуемы. Недаром умные люди того времени (а вовсе не реакционеры) говорили о том, что вначале нужно образовать народ, а затем уже предоставить ему свободу и право решать свою судьбу. В этих подходах, конечно, меркли, а то и вовсе предавались проклятиям те действительно прогрессивные мысли и действия, к которым прибегали сторонники эволюционного движения России по цивилизационному пути, а не по горящим тракам катаклизмов и потрясений. Кажется, что Аракчеев был одним из них.

Задумавшись над его твердой убежденностью в необходимости поломать уже отжившую свой век рекрутскую систему, которая и была отменена, но лишь в ходе Великих реформ 60-х гг. Так, в канун Отечественной войны 1812 г. Аракчеев предложил Александру I сократить срок солдатской службы до 8 лет, а из увольняемых в запас сформировать резерв и тем самым усилить контингент армии. Однако Александр, озабоченный предстоящим столкновением с Францией, а после войны находящийся в угаре европейской гегемонии и столкнувшийся с коварством великих европейских держав, считал, что постоянная русская полуторамиллионная армия являлась гарантом упрочения влияния России и противодействия проискам ее бывших

союзников; хотя на словах он сам призывал европейских лидеров к сокращению вооруженных сил. К тому же Александр вынашивал идею военных поселений, и предложение Аракчеева шло вразрез с этой идеей.

Весьма показательна и реакция Аракчеева на предложение Совета министров еще в межвоенный период о продаже для пополнения казны рекрутских квитанций по 2 500 руб. за каждую с тем, чтобы рекруты, уплатившие эту сумму, освобождались от воинской повинности. Аракчеев усмотрел в этом дискриминацию бедных крестьян и выступил против этой затеи. В своей записке в Государственный Совет он писал: "Сия продажа есть благодеяние правительства для богатых, не должна ли возродить сия мера большое уныние духа в бедных, когда они из онаго ясно увидят, что и само правительство печется ныне неуравнительно о всех сословиях, а открывает свои благодеяния за деньги, не заботясь о том, что состояние бедного перед богатым уже есть и без онаго тягостно"²⁷.

Сохранились многочисленные документальные подтверждения гуманных действий Аракчеева по отношению к простонародью, крестьянам, причем действий, им самим инициированных. Он вступался за получивших увечье младших офицеров и просил для них денежных вспомоществований, настаивал на повышении жалования рабочим порохового завода по их жалобам, воспротивился взиманию с удельных крестьян Смоленской губ. данного в виде ссуды хлеба деньгами, что приводило в связи с разницей в ценах к двойному убытку крестьян. Он был недоволен обращением в 1821 г. черниговского губернатора за помощью к правительству в связи с плохими видами на урожай и нехваткой продовольствия. В своем письме Александру I он, отметив, что положение исправлено, и жители хлебом обеспечены, писал: "... а письмо графа Разумовского (черниговского губернатора - А.С.) единственно доказывает его алчность в доходах, ибо с его состоянием я бы не только прокормлял своих крестьян, но и всех прочих нуждающихся в оной губернии..."²⁸. Кстати, Аракчеев, как об этом уже шла речь, не жалел денег на поддержку своих помещичьих крестьян. Во время катастрофического наводнения в Петербурге 1824 г. граф выделил с согласия императора 1 млн. руб. в помощь пострадавшим от наводнения из средств, полученных в виде прибыли в хозяйстве военных поселений. Причем в письме Александру он отмечал, что "для сего надобны деньги, и деньги неотлагательные, для подаяния помощи беднейшим, а не богатым"²⁹.

Но наиболее поразительным стал в этом смысле проект об освобождении крестьян от крепостной зависимости, поданный Аракчеевым Александру I в связи с его просьбой в феврале 1818 г. Возглавлявший разработку проекта Аракчеев предложил поэтапный выкуп в казну помещичьих имений с наделением всех помещичьих крестьян и дворовых людей двумя десятинами на каждую ревизскую душу. Этот проект был во многом смелее некоторых декабристских планов; его идеи в дальнейшем были по существу положены в основу крестьянской реформы 1861 г., а в дворянских кругах вызвали возмущение.

И конечно, в свете сложившихся стереотипов удивляет завещание "железного графа". Не имея семьи, наследников, Аракчеев свои немалые деньги разделил следующим образом: 50 тыс. руб. он внес в Государственный заемный банк для награды автору за издание и перевод лучшей книги об истории царствования Александра I, которая должна быть выпущена к 100-летней годовщине со дня смерти императора, которая приходилась на 1925 год; 300 тыс. руб. он пожертвовал на обеспечение в Новгородском кадетском корпусе бедных дворян Новгородской и Тверской губ. Своим именем он поручил после своей кончины распорядиться государству. Так все, что он получил за свою жизнь, Аракчеев фактически отдал обратно в казну. Случай сам по себе в правительственной среде уникальный.

Естественно, важное место в понимании жизни и деятельности как Александра I, так и Аракчеева имела печальная эпопея военных поселений. Идея их опять-таки была отнюдь не доморощенной, а пришла из Европы. Такие войска существовали еще в древнем Риме, а в новое время схожая практика применялась в Германии, Швеции, Венгрии. В XVIII в. Австрия устроила на границе с Турцией подобие таких военизированных сельских поселений, состоящих на самообеспечении в условиях постоянного противоборства с Османской империей. Россия тогда же ввела нечто похожее в южных пограничных районах; вынашивал эту идею и Павел I. И российские, и западные историки высказали предположение, что мысль о создании военизированных контингентов, сочетавших производственную деятельность с военным тренингом, впервые была обоснована в работе французского генерала Сервана "О военных силах на границе", ставшей предметом пристального внимания Наполеона, намеревавшегося в условиях хронического бюджетного кризиса претворить ее в жизнь; лишь постоянные войны отвлекли французского императора от этого начинания. Именно работу Сервана и имел в виду Александр, приступая к внедрению военных поселений в России.

После войны Александр вновь вернулся к идее военных поселений. Основной причиной его

интереса к этой проблеме стала нехватка средств. К 1815 г. Россия была истощена, наполеоновское нашествие повлекло за собой разрушение многих крупных городов страны, включая Москву; на месте боев оставались пожарища и развалины, казна была пуста, экономика парализована, инфляция подрывала и без того ослабленное народное хозяйство. Общие беды дополнялись злоупотреблениями властей, продолжавшейся коррупцией чиновников, пользовавшихся тем, что основное внимание правительства, в том числе и страшного для мздоимцев и казнокрадов Аракчеева, было отвлечено на Отечественную войну, а позднее на заграничные походы.

Собственно сама мысль Александра I (а по ряду свидетельств именно император был инициатором военных поселений) была недурна, но на Западе она исходила из практики существования более или менее цивилизованного общества, отсутствия крепостного состояния субъектов реформы, наличия основных гражданских прав населения. В России же эта военно-меркантильная идея неизменно накладывалась на абсолютистскую власть, бесправие населения, тяжкое крепостное состояние крестьян, подневольную 25-летнюю службу рекрутов, которую, кстати, и хотел резко сократить Аракчеев. К тому же военных поселенцев отдавали под власть больших и малых начальников, для которых насилие над людьми было нормой. Это был главный исторический просчет Александра I, в котором он показал себя верным сыном своего изобретательного по части введения новых порядков отца. Не закон, а своеволие командиров, не осознание долга гражданами и их материальный интерес, а рабское их состояние - вот что только и могло стать основанием этой системы в России. Неизвестно, по этим ли причинам, или каким-то другим, но Аракчеев выступил против организации военных поселений в России. Однако, когда Александр уже принял решение об их организации и утвердил Аракчеева начальником военных поселений, "железный граф" с присущими ему фанатизмом, решительностью и жестокостью начал вводить эту систему в жизнь. Он разработал по предложению Александра "Главные основания устройства военных поселений", в которых предлагалось размещать на постой "регулярных солдат". Военный поселенец должен был нести военную службу и одновременно вести свое хозяйство при помощи солдат.

"Общая цель - создать военные поселения, - пишет В.А. Федоров, - сблизила Александра I и Аракчеева. В своих письмах, донесениях, отчетах Аракчеев рисовал радужную картину жизни в поселениях, да и сам император, неоднократно посещая военные поселения, убеждался в их образцовом порядке. Причем это были отнюдь не потемкинские деревни..."³⁰

Вообще исследования феномена военных поселений, видимо, еще впереди. Прежние исследования отражали лишь их негативное воздействие на историю страны и живописали возмущения военных поселенцев порядками, введенными Аракчеевым. И только в последние годы ученые стали обращать внимание на реальные факты развития районов, охваченных военными поселениями. Истина же, видимо, заключается в ответе на вопрос о том, каким образом в крепостной России правительство пыталось внедрить вполне цивилизованные образцы организации военизированных поселенцев, как и почему те отчаянно упирались и отказывались от заведомых благодатей чистой, материально более основательной и благоустроенной жизни. Ответ, конечно, коренится как в сущности системы, которую представляли Александр и Аракчеев, так и в общественных параметрах русского общинного крестьянства с его традиционным укладом, обычаями, привычками, а главное, с уже сложившимся стереотипом сосуществования с абсолютистско-крепостнической государственной машиной. Военные поселения круто ломали эту устоявшуюся, пусть и несчастливую жизнь, а для русского человека это являлось, пожалуй, наиболее трагичным, особенно в свете тех максималистских требований, которые предъявлял Аракчеев, перенесший на военных поселенцев принципы хозяйствования и порядки, введенные им в Грузию. Аракчеев в короткое время создал в соответствии со своими "Главными основаниями" четкую систему деятельности поселений. С геометрической неумолимостью были возведены поселки с жилыми домами для поселенцев, весьма напоминающие современные постройки коттеджного типа, с дорогами, домами связи, зданиями штабов, школами, гауптвахтами, домами для офицеров, новыми церквями, плацами для экзерсисов, госпиталями, типографией. Все это было окружено ухоженными полями, четко обозначенными выгонами для скота. Исследования последних лет показали, что Аракчеев превратил военные поселения в прибыльные хозяйства. К концу царствования Александра I их капитал составлял 26 млн. руб. Созданный в поселениях Кредитный банк поддерживал поселенцев, выдавал льготные ссуды офицерам. На случай неурожая были созданы специальные хлебные

* Куда уж было ближе! Эта общая их деятельность фактически и сделала Аракчеева "управляющим России".

магазины. Аракчеев внедрял в поселениях различные агрономические новшества, развивал промыслы, торговую предприимчивость³¹.

Бывший не раз в военных поселениях Александр был от них в восторге, посетивший их М.М. Сперанский называл их "чудесными", и даже Н.М. Карамзин, относившийся к Аракчееву настороженно, писал своему другу И.Н. Дмитриеву в 1825 г.: "Поселения удивительны во многих отношениях. Там, где за восемь лет были непроходимые болота, видишь сады и города".

Однако для посетителей военных поселений за кадром оставались методы, которыми достигалось это непоказное благоденствие: тяжкий труд военных поселян, непривычных к столь интенсивной работе, связанной к тому же с военной службой, мелочная регламентация всего и вся, круглосуточный надзор за их жизнью, бытом, хозяйством, религиозными отправлениями, нравственностью, даже интимной жизнью. Казалось, у Аракчеева были разработаны инструкции на все случаи жизни, на все обстоятельства: от того, когда вставать, топить печь, идти в поле, на военные учения до порядка заключения браков, воспитания и кормления младенцев. И все это было толково, со смыслом и пользой, все было нацелено на результат, но совершенно невыносимо для обычного человека, особенно для русского с его философским взглядом на жизнь, традиционным умением не напрягаться с одинаковым рвением во все дни года, давать себе одному ему известными способами трудовые отдушины при всех, даже самых экстремальных обстоятельствах. Особенно тяжело переживали русские крестьяне запреты Аракчеева на пьянство, употребление в неурочное время алкоголя. Удивительна была эта неистребимая страсть российских руководителей XIX-XX вв. научить крестьянина жить и работать, регламентировать жизнь и такая же неистребимая гибкость и сопротивляемость русского мужика этому сумасшедшему нажиму. И Аракчеев преподавал русскому крестьянству едва ли не первый такой урок, подхваченный позднее героями продрозверстки в 1918-1921 гг., колхозного строительства в 30-е гг., кукурузной эпопеи в 50-60-е гг., и несть им числа.

Видимо, зная природу русского работника, Аракчеев и в Грузино, и в военных поселениях ввел тщательно разработанную систему наказаний и штрафов, причем некоторые из них были связаны с откровенным ущемлением человеческого достоинства. Но если в шпицрутенах, как ранее в батогах и колодках, русский крестьянин не видел чего-то особенного, то регламентация его жизни была ему совершенно непереносима, и здесь Аракчеев стал личным врагом военных поселян. Именно эта регламентация, подкрепленная системой наказаний, и вызывала прежде всего многочисленные жалобы и обращения военных поселян, а позднее и неистовые их бунты. Жалобы Аракчеев сурово пресекал, а бунты так же неистово подавлял. В Грузино жестокий аракчеевский режим усугублялся зверскими издевательствами, которым подвергала дворовых людей и крестьян экономка и сожительница Аракчеева Анастасия Федоровна Шумская (урожденная Минкина), которую граф любил беззаветно и верил ей беспрекословно. В сентябре 1825 г. Шумская была зарезана дворовыми людьми, отомстившими ей за насилия и оскорбления. Ее смерть буквально сокрушила Аракчеева. Он отказался от командования военными поселениями, не откликнулся на просьбу Александра I приехать к нему в Таганрог. И лишь в начале нового царствования, пережив еще одну утрату - потерю своего обожаемого монарха, - он несколько пришел в себя, но так до конца и не оправился от этих ударов судьбы.

И все же трудно, учитывая все сказанное, видеть в этой деятельности черты реакционности. Это была беда системы в целом, в которой действовал такой максималистский характер, каким обладал Аракчеев. Этот человек, стремившийся приносить пользу государству и действительно приносивший ее, как возможно никто другой в царствование Александра I, был закомплексован и несчастен сам и сеял несчастье людям, с которыми соприкасался. Александр же брал от этой личности лишь то, что ему требовалось, не обращая внимание на остальное.

Но в умонастроениях и деятельности Аракчеева существовала одна сторона, которая тщательно замалчивалась многими дореволюционными, западными и советскими историками и которую, конечно, не мог не учитывать хитроумный и дальновидный император. Речь идет о безусловном русском патриотизме Аракчеева, об интересах России, как их понимал "железный граф".

В своих исследованиях об Александре I и Аракчееве Н.К. Шильдер, А.А. Кизеветтер, вел. кн. Николай Михайлович, М. Дженкинс, В.А. Федоров и др. основной акцент делали на том, что Аракчеев был лишь исполнителем воли обоих императоров, светил лишь их отраженным светом и не проводил своей какой-то особой политической линии (кстати, уже по одному этому, он не мог быть оплотом реакции). В основном это было так - и в этом сила и слабость Аракчеева. М. Дженкинс, например, писал, что "он не делал никаких попыток повлиять на императора в том или ином направлении, которое касалось государственной политики", что "Аракчеев верно выполнял волю императора, не поднимал глаз от ближнего горизонта на штормовые тучи, собиравшиеся над головой. Если император не был озабочен грозящим

кризисом, это не становилось и заботой Аракчеева"³². Безусловно, это правильно и относилось ко многим важным направлениям жизни России того времени, за одним исключением, которое, возможно, и определило негативное место генерала в общественном сознании XIX-XX вв. - это его нескрываемая ненависть к иностранным вершителям судеб страны, к лидерам различных иностранных влияний при русском дворе и в окружении самого императора.

Как известно, в конце XVIII - первой четверти XIX в. при русском дворе существовало несколько сильных иностранных влияний, оказывавших порой решающее воздействие на судьбы России. Так англофильская партия сначала вдохновлялась английским послом в Петербурге сэром Уитвортом, военным губернатором графом Паленом, генералом Беннигсеном, которые, опираясь на русских сторонников, организовали убийство Павла I и возврат России в фарватер политики английского кабинета Питта. Позднее интересы этой партии вдохновлялись фактическим министром иностранных дел России в начале века, польским аристократом и другом Александра, князем Адамом Чарторыйским. Его влияние было громадным в деле вовлечения России в антифранцузские коалиции, участие в военных кампаниях 1805-1807 гг. В ту пору Россия отказалась от предначертанной ранее В.П. Кочубеем и одобренной Александром в первые годы царствования политики нейтралитета и принялась таскать каштаны из огня в интересах Англии, Пруссии, Австрии. Лишь Аустерлиц несколько отрезвил Александра, но и позднее англофильская группировка, играя на его чувствах обиды и реванша, продолжала втягивать Россию в военные авантюры на полях Европы, поддерживая английские, австрийские, прусские интересы. С этой точки зрения противоборство с Наполеоном при Фридленде и Прейсиш-Эйлау не было вовсе обязательным для России и привело ее к Тильзитскому миру, который Александр частично сумел повернуть в пользу России, имея в виду раздел с Наполеоном Центральной и Восточной Европы на сферы влияния.

Французское влияние осуществлялось в эти же годы группой лиц, близких к М.М. Сперанскому. Падение Сперанского в 1812 г. стало одновременно и поражением французской партии при русском дворе. Теперь война с Наполеоном была уже неизбежна. Многочисленные при дворе и в армии выходцы из Германии оказывали влияние в пользу Прусского королевства; особенно сильное воздействие на Александра I имели прусский король Фридрих-Вильгельм III и его жена красавица королева Луиза, ставшая на определенное время интимным другом русского императора. Австрийское влияние шло через графа Нессельроде, вначале исполнявшего второстепенные должности в Министерстве иностранных дел, а в послевоенный период фактически возглавившего министерство. Его возвышение было связано безусловно с большим влиянием на Александра I австрийского канцлера Меттерниха в пору сокрушения Наполеона в Европе и ее последующего передела.

А.А. Аракчеев стремился противостоять всем этим иностранным эгоистическим влияниям, находя союзника в лице вдовствующей императрицы Марии Федоровны, которая, несмотря на свое немецкое происхождение, ярко выражала русские интересы, продемонстрированные на рубеже XIX в. ее мужем - независимым и упрямым Павлом I. К ним же отнеслись волевая, образованная, целеустремленная сестра императора Екатерина Павловна, брат царя Константин Павлович, генерал Багратион, председатель Государственного Совета Салтыков, председатель Комитета министров Вязьмитинов, государственный секретарь Шишков, генерал-адъютанты Балашов, Долгоруков и др. Эти государственные деятели и члены династии были против иностранного засилья в российской политике, демонстрировали патриотические взгляды, стремились уменьшить влияние "австрийской партии" во главе с Нессельроде, свести на нет при дворе англофильскую политику, нивелировать влияние сторонников французской ориентации. Аракчеев был в центре этого круга. Французский посол в Петербурге в 1823 г. доносил своему правительству: "То, что здесь называют "русская партия", во главе которой находится граф Аракчеев, старается в данный момент свалить графа Нессельроде (министр иностранных дел), который после отставки г. Гурьева (министр финансов) находится почти в полном одиночестве ... его главнейшая точка опоры - австрийский кабинет; таким образом, по своим интересам и по своим привязанностям Нессельроде остается целиком преданным Австрии"³³. "Русская партия" занимала особую позицию в период первого противоборства с Францией, была противником Тильзитского мира, стремилась избежать нового столкновения с Наполеоном, настаивала на заключении с ним скорейшего мира летом 1812 г., уже после вторжения, опасаясь дальнейших потрясений для России. Именно Аракчеев, Багратион, Салтыков и Вязьмитинов настояли на назначении популярного в армии, среди дворянства и народа Кутузова взамен Барклая-де-Толли главнокомандующим армией в августе 1812 г., а позднее вместе с Кутузовым и устами Кутузова были противниками похода в Европу, полагая, что он ничего хорошего не принесет России, а лишь усилит позиции ее потенциальных противников - Англии, Австрии и той же Франции. И на всех поворотах истории России того периода эта

группа, меняясь в своем составе, в основном придерживалась общих целей. Аракчеев был в ее центре, о чем мельком говорилось и ранее, но впервые в обнаженной форме предстало в эмигрантской литературе³⁴. Известно, что он, не умея писать и говорить по-французски, отказывался обучаться французскому языку, предпочитая и в деловой обстановке, и в быту использовать русский язык. Это знали при дворе и, скрепя сердце, с этим мирились. Понятно, что все сторонники западнофильских партий, зачастую объединившиеся, как это случилось в послевоенный период, платили Аракчееву стабильной ненавистью, которая многократно отражалась в мемуарной, а позднее и в исторической литературе, причем порой эта ненависть мотивировалась чем угодно, но основная ее причина - преданность Аракчеева интересам России - тщательно замалчивалась. Что касается Александра I, то он умело лавировал в этом политическом водовороте, среди противоречивых политических течений, имея друзей и приверженцев среди всех важных политических тенденций, опираясь на представителей разных элитных общественных группировок, внушая им иллюзию, что именно их интересы он и отражает в своей политике, а в действительности подчиняя их не только интересам страны, как он понимал их сам, но своим личным интересам и страстям, заставляя представителей всех ориентации работать на него. Это ли не свойство глубокого государственного ума, натуры одаренной, коварной и сильной! Это было высочайшее искусство управления, позволившее Александру балансировать на пике власти без малого четверть века, и Аракчееву в этом процессе, как представителю "русской группировки", отводилась важная роль.

Примечания

¹ См., напр.: Богданович П.Н. Аракчеев, граф и барон Российской империи. (1769-1834). Буэнос-Айрес, 1956; Jenkins M. Arakcheev, Grand Visier of the Russian Empire. A biography. London, 1969; Dziewanowski M.K. Alexander I Russia's Mysterious Tsar. N.Y. 1969; Hartley J.M. Alexander I. London, 1994.

² См., напр.: Федоров В.А. М.М. Сперанский и А.А. Аракчеев. М., 1997.

³ Богданович П.Н. Указ. соч. С. 9.

⁴ Федоров В.А. Указ. соч. С. 15-16.

⁵ Там же. С. 18.

⁶ Шильдер Н.К. Император Павел I. СПб., 1901. С. 292.

⁷ См.: Богданович П.Н. Указ. соч. С. 13.

⁸ Там же.

⁹ Федоров В.А. Указ. соч. С. 23; Кизеветтер А.А. Император Александр I и Аракчеев. "Русская мысль". 1911. Т. 2. С. 8.

¹⁰ Богданович П.Н. Указ. соч. С. 24. ¹¹ Федоров В.А. Указ. соч. С. 81.

¹² См., напр.: там же. С. 8, 100, 140.

¹³ Jenkins M. Op. cit. P. 16.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Цит. по: Dziewanowski M.K. Op. cit. P. 313-314.

¹⁶ Федоров В.А. Указ. соч. С. 91-92.

¹⁷ Там же. С. 93.

¹⁸ Цит. по: Богданович П.Н. Указ соч. С. 31-32.

¹⁹ Цит. по: Федоров В.А. Указ. соч. С. 95-96.

²⁰ Там же. С. 102.

²¹ Богданович П.Н. Указ. соч. С. 40.

²² Там же. С. 44.

²³ Русский архив. 1866. Стб. 925-926.

²⁴ Цит. по: Jenkins M. Op. cit. P. 12; Русский архив. 1866. Стб. 924.

²⁵ Федоров В.А. Указ. соч. С. 193.

²⁶ Родина. 1995, №7. С. 44.

²⁷ Цит. по: Богданович П.Н. Указ. соч. С. 115.

²⁸ Там же. С. 117.

²⁹ Там же. С. 118.

³⁰ Федоров В.А. Указ. соч. С. 180.

³¹ Там же. С. 184-185.

³² Jenkins M. Op. cit. P. 14, 18.

³³ Цит. по: Богданович П.Н. Указ соч. С. 125.

³⁴ Там же. С. 125-127.